

Наталья Бердская

ХРУСТАЛЬНАЯ СЛЕЗА

16+

Наталья Бердская
Хрустальная слеза

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бердская Н.

Хрустальная слеза / Н. Бердская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98459-2

Золотая медаль не помогли юной Виктории, распознать - предательство, обман и цинизм. Безжалостно ворвавшийся в её жизнь спазм горечи, разрушил все её мечты. Виктория вызвала на неравный бой – всеильную судьбу. Любовь - это божественная награда. Любовь не выбирает ни по возрасту, ни по сословию, ни по красоте, ни по харизме. И это ВРЕМЯ, ко всем приходит в СВОЁ ВРЕМЯ! Любовь к Виктории, постучалась в её сердце, когда ей было почти сорок. Сила её любви , разбила понятие «всё что имеет начало, имеет и конец.». И Виктория унесла свою любовь в бесконечность...

ISBN 978-5-532-98459-2

© Бердская Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Хрустальная слеза	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Бердская

Хрустальная слеза

Хрустальная слеза

«Истины нет. Есть только Истина»
Альберт Камю

Глава 1

На жизненном пути Виктории было три значимых мужчины, и все – Виктор. Виктор первый, Виктор второй и Виктор третий. Третий Виктор – Васильевич. У них не только имена – Виктор и Виктория, но и отчества были одинаковые – Васильевна и Васильевич.

Виктор Васильевич в судьбе Виктории появился, «когда его уже не ждёшь», да и вообще ничего уже не ждёшь. Все планы достигнуты – подрастающий сын, должность главного экономиста, квартира, муж на руководящей должности, тоже Виктор. Но Виктор второй.

А Виктор первый – молодой, красивый, уверенный – встретился Виктории на лестнице в университете, где они учились. Виктория бежала вниз по лестнице и уронила учебник. К учебнику потянулась красивая мужская рука, и перед ней вырос первый в жизни Виктории – Виктор.

Он – Виктор первый, ожидал распахнутый, восторженный взгляд, многообещающую улыбку и кокетливость в движениях. К такой реакции он привык. Но ничего подобного не произошло.

Виктория взяла учебник, и кроме учтивости её глаза ничего не выражали:

«Спасибо. Как вовремя Вы обнаружили». И уже на ходу улыбнулась – протокольной, «одетой улыбкой».

Виктор первый не привык к таким проявлениям со стороны женского пола. Ничего не выражающая реакция задела его.

Он стоял и смотрел в след легко бегущей по лестнице Виктории.

И вирус неудовлетворённого самолюбия начинал набирать обороты.

А на следующий день они встречаются в буфете, Вика стояла в очереди со спокойным лицом и синими-синими глазами. Очень короткая стрижка подчеркивала правильный овал лица, придавая облику необычность.

Виктор подошёл к Виктории и с уверенностью обожателя женских сердец заговорил:

– Опять Вы?! Здравствуйте!

– А это Вы? Сегодня Вам не повезёт. Пирожок, как вчера книгу, я не уроню. Очень хочется есть, – и безучастно повернулась к стойке, заказывая кофе.

Но Виктор не отступал:

– Позвольте, я рассчитаюсь за Вас? – и был уверен, что вот сейчас он её проймёт, зная, как студентки экономят, чтобы купить аксессуары для личного преображения – колготки или косметику. Это он, Виктор, – москвич, живёт с родителями на полном довольствии в семье высокопоставленного чиновника.

Но реакция Вики была неожиданной:

– Рассчитаться? Нет! Не позволю! – и без пафоса, с видом полного равнодушия пошла к свободному столику.

Избалованность Виктора и безотказность во всём были на поверхности, и Виктория не могла этого не заметить.

Она заметила, но настойчивые преследования Виктора всё размыли, и Виктория, забыв про все предупреждающие внутренние осторожности, влюбилась.

Всё свободное от лекций время они проводили вместе. Ездили на велосипедах в парке, ходили в кино, кафе. Виктор дарил цветы, коробки конфет и даже французские духи. Деньги на кофе, кино и цветы он брал у папы. А коробки конфет и духи он брал у мамы. Мама Виктора – врач-гинеколог центральной московской клиники, у неё этого добра как у «дурака махорки».

Колоритные ухаживания Виктора в таких ярких обёртках для Виктории были путешествием в страну зазеркалья. Девочка из Подмосковья, которая жила в доме с печкой, водой из колодца и туалетом, правда – не рядом с кухней, как в московских квартирах – где едят, а на улице.

Она жила в природной чистоте, но тогда не понимала, какой мощный фундамент дала ей эта первозданная энергия. Потом поймёт, но это будет потом.

А сейчас восемнадцатилетняя девочка попала в зону гипнотического влияния Виктора.

И через две недели, не помня себя, отдалась ему на узкой кровати студенческого общежития.

Она была ещё никем не сорванным цветком, и эта свежесть чистоты Виктории и её нетрогнутость возбуждали Виктора и тянули к ней.

При ощущении волнительного трепета счастья влюблённости, что-то в глубоком подсознании нашептывало ей: «Не расслабляйся...»

Виктория окончила школу с золотой медалью. Училась на Ленинскую стипендию. Мама Вики жила в Подмосковье, в Павловском Посаде. Жили средненько. А когда от них ушёл отец, стало вообще невыносимо. Уходя к другой женщине, он разделил всё до ложки, и учёба Вики не вернула его в зону отцовской ответственности. Помогал, но не значительно. Вика и мама нуждались. Виктория была очень привязана к матери, и с каждой стипендии покупала ей хоть что-нибудь, так хотела её порадовать. Мама Вики экономила на всём. Суп на воде, блинчики на воде, чай на своих травах. Мясо – по выходным, конфеты – по праздникам, электричество – под контролем, свечи лучше. Только всё для Вики, всё для неё – эта была её неугасающая звезда надежды, она ждала и приближала каждый день, каждый час, когда Виктория выучится и у них всё будет хорошо.

А на жизненном пути Виктории появился Виктор ПЕРВЫЙ, и она попала в паутину любовных грёз. И поверила, что они с Виктором никогда не расстанутся. Он любит её.

Но случилось то, что случилось – Виктория забеременела. Она сначала не верила. Токсикоза нет, головных болей нет, слабости нет, но и месячных тоже нет. Возможно, простыла или какие-нибудь гормональные перемены, так думала она. Тестов на беременность тогда не было. Прошёл месяц, другой. С кем-то поделиться она не могла, боялась, и всё держала под крепким узлом своего характера. Время шло, и она начала поправляться. Груды отяжелели и увеличились в размере. Положение беременности во всех выразительных формах заявляло о себе.

Будущие перемены погрузили Викторию в глубокие размышления. На первом месте был её будущий ребёнок, о чём надо незамедлительно сообщить Виктору. Потом мама, но мама огорчится – учёба не закончена, но поймёт.

Виктор? А что Виктор – он обрадуется и всё решит. Последнее время они стали реже встречается, Виктор погрузился в учёбу, так он Вике объяснял своё отсутствие. Виктория верила ему. Но сейчас её заполняли мысли о её беременности.

– «Всё, что ни делается, всё к лучшему» – как я ненавижу эту фразу, если хуже не бывает, значит, это к лучшему, главный закон дураков, – думала Виктория. – Уж лучше Альберт Камю: «Истины нет. Есть только Истина».

А «истина» Вики с каждым днём становилась всё выразительней и выразительней.

Откладывать и чего-то ждать времени совсем не оставалось. С этим настроением она встретила Виктора в вестибюле универа. В эти моменты все женщины начинают с одинаковой фразы, и Вика не была исключением.

– Виктор, мне надо сообщить тебе что-то очень важное, – тихо сказала Виктория.

Виктор напрягся, он не любил всплески, приливы, отливы, ему больше нравилось спокойствие, полный штиль. Он любил свободу и простор бытия. А с кем? Это его не сильно напрягало, он получал удовольствие от любви, а вернее, от себя любимого.

Но выражение лица Вики немного насторожило его.

– Что случилось, Викуля? Ты как-то неважно выглядишь, бледненькая. Плохо себя чувствуешь? – с участием спросил Виктор.

– Я беременна.

Бледность Виктории мгновенно перешла на Виктора, он был совсем к этому не готов. Его лицо красноречиво выражало состояние внутреннего облома. Он взял Вику и отвёл её в сторонку.

– Ты уверена? Почему не оградила себя, а главное, меня от всего этого. Ты что, не знаешь, как избежать «залёта»? – с раздражительным гневом почти прокричал он.

– Я? Избежать? Ты-то точно знаешь, что до тебя у меня не было никакого опыта... – в полной растерянности еле слышно произнесла она.

– Знаю. И только поэтому я с тобой... – хотел сказать «...задержался дольше, чем с другими», но сдержался, видно «его совесть» выползла из-под пятки и притормозила его.

От автора:

У таких «Викторов» их совесть, если она вообще есть, где-то там, на уровне плитуса. Внизу. А от плитуса до маковки – ЭГО. В переводе с латинского «эго» – это Я. Эго – как губка впитывает все прихоти и желания, от которых «такие Викторы» отказаться не могут. Да и не хотят.

Виктор продолжил:

– Я НЕ ГОТОВ. И готовиться тоже НЕ ГОТОВ. Но я могу тебе помочь, у меня мама гинеколог.

Вика, смотрела на него своими синими глазами и не понимала. «Он предлагает убить ребёнка...»

– Нет!

– Ну, если ты не согласна, тогда с этой минуты мы с тобой чужие, я тебя не знаю, и твои проблемы разделять с тобой не желаю. Всё. До свидания. А точнее – ПРОЩАЙ.

И ушёл... Покатился, как звенящий шар, в пустоте своей фальшивой сути.

Будучи ничтожеством, Виктор не вызывал подозрения за ширмой фальшивых улыбок и реверансов. Взросший в атмосфере превосходства и избалованности, он считал себя наградой для всего окружения.

Кто он? Виктор Каперин?

Деньги – у папы, подарки – у мамы. Сам он – своими силами, своими знаниями, своими стремлениями – ничего не приобрёл.

Папины и мамины «подстилки» помогали Виктору во всех его жизненных ситуациях. В учёбе, в ухаживании за дамами, во всех его свобододействиях. Он жонглировал всем тем, что ему было доступно, и без особых усилий притягивал внимание своими пустыми бездушными трюками.

Виктория почувствовала сильный спазм в голове. Это её отвлекло. Придя в себя, она донесла своё тело до кровати и легла. Глядя в потолок и не двигаясь, она пролежала пять часов. Мысли стали пробуждать её: «Как же она не смогла распознать притворство Виктора? Его

лживость и бездушие он прятал в дешевых проявлениях – от милой, хорошей Вики, Викулечки до... ПРОЩАЙ. Цветы, конфеты, признания... Это был обман...

Как же всё отвратно...

А что теперь мне делать с этой раздражающей, невыносимой болью?

Теперь только мама! Мамочка меня поймёт. Она мне скажет, подскажет и поддержит».

И через сорок минут Вика неслась в электричке в Павловский Посад.

Боль и страдания со скоростью электрички и отбивающим стуком колёс врезались в плотные слои неокрепшего понимания восемнадцатилетней девочки, столкнувшейся с цинизмом и предательством. Стихия жизненного урагана внезапно и безжалостно ворвалась в юность Вики, разрушив её замки любви, верности и надежды. Она чувствовала себя камнем, падающим в бездну, падающим в безысходность.

В состоянии полной раздробленности и униженности, еле-еле переставляя ноги, она подошла к дому. К месту, где энергия рода, крови, корней, распахнула свои объятия в готовности вылечить её от губительного недуга.

Виктория открыла родную калитку, прошла по родной тропинке к дому, вошла в дом, увидела маму и, облокотившись на косяк двери, медленно скатилась на пол...

Мама в испуге подбежала к дочери: «Вика, Вика, что с тобой, доченька?»

У Вики не было ни слёз, ни сил, и когда она что-то пыталась сказать маме, вместо слов были слышны приглушённые сиплые звуки.

Вика не могла говорить, у неё пропал голос.

Маме бросились в глаза округлые формы фигуры дочери, и она всё поняла. Сердце её сжалось, но виду показывать не стала. Она с материнской любовью стала ухаживать за Викторией. Поить травами, разговаривать, успокаивать.

Смотреть на состояние Вики было невыносимо. Она время от времени открывала рот и в молчаливом бессилии ловила в воздухе спасение, надеясь, что любой глоток воздуха вернёт голос, но ответ был безжалостен. Немога своим безмолвием убивала. Глаза Виктории широко открывались, как бы спрашивая: «За что?» И слёзы катились по её лицу, жалуясь на неокрепшую, непорочную юную невинность.

Прошёл день, второй, третий – голос не возвращался. На пятый день Виктория впала в неподконтрольное состояние неосознанного безумия. Она уже не плакала, не хватала ртом воздух, она лежала, и её глаза наполнялись безумием. Викины руки соединились в движениях, как бы грея одна другую, потом ноги стали сгибаться и разгибаться в коленях, и эти импульсивные движения захватили её и стали неистово набирать учащённость. Она вскочила и побежала на кухню, что-то ища, она металась по всему дому. Подбежала к кровати, схватила подушку и с ожесточением принялась бить ею кровать, диван, стол – всё, что ей попадалось на пути её передвижения. Подушку бросила на печку, и от возгорания её спасла вовремя подбежавшая Татьяна Анатольевна, которая не понимала, как она себя сдерживала, наблюдая за дочерью, которая металась по дому. Её безумный взгляд приводил в ужас Татьяну Анатольевну. Она в трагическом молчании смотрела на дочь и с силой понимания матери и с мучительной болью ждала выброса страданий её любимой Викторией.

Виктория в приступе схватила стакан с водой и, размахнувшись, с силой бросила его в зеркало.

Зеркало с глухим звоном разлетелось во все стороны и по всем углам и уголочкам комнаты и после себя оставило мертвое пятно, ничего не отражающее и ничего не отображающее.

Вика смотрела на это пустое пятно и не видела себя. Она смотрела в этот безжизненный контур, на месте которого всё время, сколько она себя помнит, всё её детство и всю её юность висело зеркало. А теперь зеркала нет. Пустота. Она посмотрела на Татьяну Анатольевну и

в ночной рубашке босиком выбежала на улицу, а на дворе был минус, иней покрыл землю жесткой, холодной пеленой.

Когда Татьяна Анатольевна выскочила за дочерью, Вика стояла, обнявшись с яблоней, и слёзы безудержно катились по её юному, чистому лику.

Татьяна Анатольевна накинула на Вику одеяло, надела на её ноги валеночки, и дала успокоительные. Виктория потихоньку стала приходить в себя. Выражение лица дочери вынести было невозможно, а забыть – невозможно никогда. Взгляд Виктории отражал и бездонное горе, и беспомощность, и глубокое чувство вины перед мамой, перед собой и перед рухнувшими надеждами. В глазах Виктории был слышен кричащий стон: «Господи, помоги мне, Господи!»

Голос к Вике вернулся через девять дней. Девять – магическое число. Девять месяцев беременности – и начало жизни. Девять дней – после ухода из жизни.

И для Виктории, её беззвучные, в полном безумном молчании «девять дней» подарили сгусток мудрого осознания всего того, что с ней произошло. И мысли уйти из жизни растворились в этих девяти днях, не оставив следа. Главное устоять, не упасть на колени – «Раbam дорога в Рай закрыта...» После этих девяти дней у неё началась новая жизнь. Виктор первый остался в прошлой жизни. Навсегда.

Пройдёт девять месяцев, и она даст жизнь маленькому тёплому комочку, перед которым откроется Мир, а Виктория наполнится счастьем.

Глава 2

Вика вышла в сад и среди опавших листьев и увядшей травы увидела красивое многоцветие – яркое, как огоньки, и желтое, как солнце. Цветочный кустик расцвёл среди увядшей травы засыпающей природы.

– Мама, посмотри! Что это за чудо? – Виктория стояла в лучах солнца и заворожено смотрела на цветки. Лучи сентябрьского солнца были сдержанные, но Вике хватало их света. Они как будто были устремлены только на неё, и она в их отблеске была такая красивая, молодая, светящаяся.

– Какая же ты у меня красивая! – восхищённо сказала Татьяна Анатольевна и перевела взгляд на цветочный кустик.

– Это бессмертник! Это многоцветие только вчера расцвело, перед твоим выздоровлением. В народе его Златоцветом зовут – это на счастье, всё у тебя будет хорошо. И солнце ярче засветило, и Златоцвет расцвёл.

После выздоровления Вики Татьяну Анатольевну одолевали мысли об учёбе, но она не решалась начать разговор, ждала, когда Виктория первая начнёт. Боялась нарушить её восстановление от перенесённых травм. «Пусть отпустит её «ломка» переживаний», – думала Татьяна Анатольевна.

Долго ждать не пришлось. Наступил православный праздник – Воздвижение. Татьяна Анатольевна напекла пироги с яблоками и кулебяки с картошкой и грибами. В доме стало тепло и уютно. Сели пить чай.

– Мама, мне, наверно, надо взять академический отпуск? – вкрадчиво спросила Вика.

Татьяна Анатольевна напряглась и взяла паузу, разливая чай.

Поставила чайник. Села, взяла дочь за руку и медленно, как будто боясь растревожить, растрясти собранное по крупицам выздоровление Вики, начала с осторожностью, обдумывая каждую фразу, очень важный разговор.

– Ты думаешь, что тебе будет тяжело посещать занятия физически? – ударяя на слово «физически».

– Да нет. Моё положение. Стыдно. Будут за спиной говорить, – робко ответила Вика.

– Ну, если будут говорить за спиной, значит, ТЫ впереди. Говорить-то будут за спиной.

Виктория рассмеялась:

– Да уж, точно, я впереди всех, а впереди меня живот.

– Ну и что?! Твоим положением гордиться надо. Сколько женщин родить не могут. А ты своего счастья стесняться надумала. Вынашивать под своим сердцем жизнь – это счастье. Какой же это стыд. Стыдно прерывать эту жизнь. Вот невинноубиенные младенцы – это стыд и большой грех.

Испытания в жизни, не каждому Бог даёт. Испытание – это сила. Преодолеет – значит, поднялся выше. Выше – не ниже. «Сильный ветер ломает только слабые деревья» – это не мои слова, но они так ко времени. Вот этот Виктор живёт как роза майская. Знает, что вовремя польют и листики ненужные подрежут.

Стоит этот розовый куст и трепещет от своей красоты и своих бутонов, переполненных гормонами. А мороз посильнее ударит, погибнет кустик, выкопают его и выбросят, забудут этот розовый куст с его бутонами и вспомнить будет некому.

А не проявись этот Виктор, так бы и жила с предательством в обнимку. Сколько бы ещё унижений и боли он тебе принёс. Благодарственную свечку надо поставить. Господь тебя отвёл от него.

За все измены ты отмучилась. Эти бессловесные девять дней обновили тебя, вылечили. «Никогда – больше не испытать тебе боль измены и предательства» – сказала Татьяна Анатольевна, чувствуя материнским сердцем вещей смысл сказанного.

«За каждой сильной женщиной стоит предательство мужчины».

То, через что ты прошла, тебя сделает мудрой и сильной.

Ты должна идти к своей цели, стиснув зубы, и не оглядываться. Это твоя жизнь. Одна, второй не будет. Не надо смотреть в след, оставляемый лодкой, надо смотреть вперёд. Так говорят китайцы.

Виктория слушала маму, наполняясь уверенностью и спокойствием, тревога отступила.

После девяти мучительных дней она обрела крепкий и сильный жизненный смысл, он сформировался в ней, пробивая унижение, боль и невыносимость. Она не знала, как ей жить дальше. А теперь знает!

Виктория подошла к Татьяне Анатольевне, обняла её, передавая всю глубину благодарности:

– Мамочка, ты у меня самая лучшая! Спасибо тебе, моя родная!

И они зашли в дом.

Глава 3

На следующий день Вика поехала в университет и сразу направилась к декану факультета Элле Эдуардовне. За ширмой её студенты звали «ЭЭ». Деканом их экономического факультета была женщина лет сорока пяти. Но не «сорокапятка» – это к ней не подходит, да и «бальзаковский возраст» – тоже не о ней.

Элла Эдуардовна была выше этих избитых стандартов. Она возвышенная. Всегда сдержанная, неприступная и притягивающая внутренним магнетизмом. Она была строга, но справедлива. Виктория уважала ЭЭ, она была идеалом и предметом её восхищения. Дар Цицерона эхом отражался в формировании её мысли и в красивых речах Э. Э.

Когда Элла Эдуардовна, – начинала говорить, она как будто разбрасывала лучи, которые проникали вглубь каждого присутствующего, и захватывал аудиторию во власть ораторского таланта.

Подойдя к кабинету декана, Вика остановилась, уткнувшись глазами в табличку «Воронец Элла Эдуардовна». Она эту табличку видела в день по несколько раз, но сейчас, в эту минуту табличка ей показалась какой-то особенной, большой и строгой. И чтобы её волнения не победили, а мандраж не захватил в свой коварный плен, она решительно открыла дверь.

– Добрый день, Элла Эдуардовна! Разрешите? – робко спросила Вика.

– Виктория! Входи, пожалуйста. Прошу! – указывая на кресло, подчеркивая приятность своего расположения. Ленинских стипендиатов ЭЭ знала в лицо.

Вика сразу себя настроила всё рассказать декану. Декан – женщина, поймёт. А потом врать Вика не могла и поведала ЭЭ всю историю от «падения книги на лестнице» до «прощай» с девятью днями и бессмертником.

ЭЭ внимательно всё выслушала. История Вики на мгновение отбросила её в свои воспоминания, очень перекликающиеся с пережитым ей самой, молодой студенткой МГУ. ЭЭ не стала побеждать устои морали и прервала беременность, она на всю жизнь осталась бездетной, так и не познав материнского счастья.

Выхватив себя из воспоминаний, которые терзали её, она осторожно, как идя по тонкому льду, тепло и по-матерински обратилась к Виктории.

– Виктория! Тебе небо лучами солнца, а земля цветом подсказывают: живи, рожай и будь счастлива! – ЭЭ встала и обняла Вику. – Не смей прерывать беременность, а закончить обучение и получить диплом я тебе помогу. Держись, девочка! Бог по силе крест налагает.

Вика замерла от счастья, она смотрела на ЭЭ переполненная чувством безграничной благодарности.

– Спасибо. Большое спасибо, – и заплакала.

ЭЭ понимала её состояние и не спешила успокаивать, эмоции должны иметь выход.

Когда эмоциональный выплеск чувств угас, ЭЭ перешла к главному.

Она очень хотела помочь девочке, одарённость и трудолюбие которой не могли не вызывать восхищение.

ЭЭ повернулась к Вике и спокойно стала наводить порядок в её голове:

– Виктория, большую часть времени ты будешь заниматься на дому, по необходимости договариваться и встречаться с преподавателями, время по сессии мы обговорим дополнительно. Это даст тебе возможность как можно меньше появляться в университете. А на защиту диплома ты уже появишься молодой, красивой и умной мамочкой. А главное – счастливой!

ЭЭ увидела в глазах Вики спокойствие и уверенность, в ней восстанавливалась прежняя Вика – Ленинский стипендиат, гордость факультета.

На следующей неделе был экстренно собран деканат экономического факультета.

Преподавательский состав был встревожен, просто так декан не объявляет экстренный сбор. Что же ждать? Грешки-то у всех есть, и у преподавов тоже.

Когда ЭЭ начала закручивать винт на предмет поблажек и уступок за соответствующие негласные вознаграждения, преподавы насторожились.

ЭЭ была настроена четко и дерзко, до неё доходили слухи о беспринципности некоторых преподавателей.

– Уважаемые коллеги! Долго я Вас не задержу. На повестке один, но очень важный вопрос: Виктор Каперин – студент нашего факультета.

– У всех отлегло. ЭЭ боялись ВСЕ – и студенты, и преподаватели. Боялись и уважали. Она заслуживала уважение и своей внутренней силой вселяла страх. Границы между уважением и страхом не определялись, а границы субординации начинались от таблички на кабинете.

ЭЭ отпила воду из стакана и продолжила:

– Не буду создавать прослойки недосказанности, постараюсь быть предельно конкретной. У меня есть абсолютно верные сведения о беспринципности и безнравственности нашего студента Виктора Каперина. Имею основания говорить о его вседозволенности и халатном отношении к учёбе. И тем не менее он дошёл до четвёртого курса. Кто же ему так любовно сбивает досочки, по которым он без усилий переходит из курса на курс?!

Вердикт ЭЭ был очень выразительным:

– Впредь Виктор Каперин все зачёты и экзамены будет сдавать в моём присутствии. Подпись преподавателя будет закреплена МОЕЙ подписью. У меня всё! Вопросы есть?

Речь её была коротка, и дар говорить четко и доходчиво стремительно донёс суть до осознания всех присутствующих.

– Вопросов нет! Совещание закончено. Всем спасибо.

Каждое её слово было как гвоздь в темечко, понимание сказанного добралось до печени. И преподаватели с лицами, выражающими потерянность, покинули кабинет декана.

Оставшись одна, ЭЭ погрузилась в свои размышления. Она понимала, что Виктору Каперину она МСТИТ за юных, незапятнанных и неискушённых девочек. Такие как Виктор своими грязными помыслами и уверенностью в безнаказанности вползают в чистоту и непорочность и оставляют в душе, в сердце, в сознании грубые рубцы на всю жизнь.

Глава 4

Виктория вернулась домой усталой, но удовлетворённой. Она не ожидала такой поддержки от декана факультета. Её положение незамужней, беременной женщины терзали тени мыслей: она идёт и «слышит» взгляды «в подоле принесла – позор!». Молва с исступлением истерии молча кричит: «Вонзить безжалостные, холодные осколки в её сердце!»

А как она будет жить с этими ледяными душу осколками? Они подумали? Нет!

А Элла Эдуардовна подумала, она не стала вонзать никакие осколки в сердце Виктории. Она вложила в неё изумруд силы, любви и веры в себя. Изумруд заиграл всеми гранями.

Виктория сдавала зачёты и экзамены вовремя и на отлично. Осень очень удачно прикрывала её изменённые формы. И это радовало Вику. Чувствовала она себя хорошо. Беременность её не выдавала. Отечности не было, пигментации не было, вес не набирала.

В один из посещений университета она, в удачном ракурсе для себя, увидела Виктора: ОНА его видела, а ОН её нет. Виктор стоял с молодой симпатичной студенткой в полной готовности рассыпаться «бисером», а вернее, фальшиво искрящимися ледяными осколками, которые вонзаются в души доверчивым юным созданиям.

Виктория внутренне покраснела, на мгновение она ощутила лёгкий прилив жара. И всё! Ни боли, ни сожаления, ни ревности к новому увлечению Виктора – НИЧЕГО! Она улыбнулась и поняла, что это была не её жизнь, не её принципы. Это была жизнь Виктора, жизнь ЕГО пониманий и ему подобных – поверхностных, самовлюблённых, ничтожных и несчастных. Ничего в сердце Вики не осталось, ни одного осколочка. Силой мудрости и жизни, которую она носила под сердцем, она избавилась от этих злосчастных холодных осколков навсегда.

Виктория сошла с электрички и направилась к магазину, надо было купить продукты. Они с мамой питались очень скромно, в основном в их рационе были постные продукты. Экономили на всём. Каждая копейка откладывалась для будущего ребёнка.

Купив всё необходимое, уже почти на выходе из магазина её остановила молоденькая продавщица:

– Купите, пожалуйста, лотерею, ну хоть одну, – попросила девушка.

Вика остановилась: «Лотерею? Только лотерею им не хватает. Нам бы самим дожить до моего трудоустройства», и вежливо отказала:

– Извините, я не играю в азартные игры с государством, – и направилась к выходу.

– У меня мама болеет, а нам с каждой лотереи платят 10 %. Купите, пожалуйста, – ясные глаза и облик девушки не обманывали.

У Виктории, что-то сжалась, и она сказала:

– Только одну!

– Да! Да! Спасибо Вам большое! – обрадовалась девушка.

Вика потратила деньги на то, что было ей не нужно, но как было нужно этой девочке, она ведь говорила правду.

Придя, домой, она разложила продукты и в учебник по макроэкономике, который попался ей на глаза, положила лотерею. Маме решила не говорить, чтобы не расстраивать. Выиграть не выиграем, никто ещё не выигрывал, а расстраивать попусту не хочется.

Время шло, Виктория успешно сдавала сессию, только ездить приходилось чаще, потому что в общежитии она решила не жить. Поездки увеличивали затраты. Но они как-то приспособились с мамой. Постное питание их устраивало. В доме было тепло, дрова были ещё с лета заготовлены, на зиму хватит. И настроение было не тревожное, а хорошее.

Вика поехала на экзамен по макроэкономике. Это был заключительный экзамен перед дипломом. После экзамена староста класса объявил о сборе денег на пред- и последипломные

мероприятия. Сумма была 25 рублей. Это убило Вику. Где она возьмет такие деньги? Она не может позволить себе такие траты. А признаться в этом она ещё больше не может.

С этими мыслями она села в электричку и услышала:

– Здравствуйте, как ваши дела? Вы проверили лотерею? – это была девушка-продавец из магазина.

– Какую лотерею? – сразу не поняла Вика.

А! Лотерею? Нет, – с полным безразличием сказала Вика.

– А тираж уже есть. Вот, возьмите газету, а вдруг выиграете – сказала девушка и протянула газету.

– Спасибо. А как чувствует себя ваша мама?

– Да по-всякому. Слабая. Спасибо вам, – девушка встала и пошла к выходу.

Виктория посмотрела вслед девушке и думала: «Господи, за какую-то лотерею. Помнит и благодарит?!»

Вика приехала домой, мама была ещё на работе, она начала искать по учебникам лотерею. Все учебники пересмотрела, ничего не нашла. И вспомнила: «Я же её положила в макроэкономику, а он у меня в сумке, на экзамен с этим учебником ездила».

Лотерея нашлась. Вика открыла тираж, смотрит, ищет, сверяет... И глазам не верит.

ВЫИГРЫШ! Мотоцикл! Не может быть. Ещё раз, ну точно, всё сходится. Боже мой!

А я говорила, не нужна мне эта лотерея, а она очень, очень даже нужна!

Вика не могла поверить, если в корзине 100 шаров и один из них черный, то этот черный попадётся обязательно ей, Вике. Она не верила в удачу, свалившуюся с неба. Она же не в Павловском дворце, а в Павловском Посаде.

Вика сидела и не могла прийти в себя. «Этого не может быть. Так не бывает» думала она.

Если бы я писала книги или сценарии для фильмов, ни за что бы не взяла эту историю в сюжет. На выходе с такой неправдоподобной историей получился бы или «уценённый» роман, или «уценённый фильм-мыло».

Пришла мама и Вика рассказала о выигрыше.

Случившееся в её воображении рисовало картину, как будто изображено всё одной краской. Только сначала был серо-чёрный тон, а теперь розово-бирюзовый.

Деньги не могут быть мечтой, но с ними легче идти к этой мечте.

Лотерею они продали соседу, который мечтал о мотоцикле.

В доме всё подремонтировали, обновили. Подготовили комнату для будущего малыша. Вика безболезненно, одна из первых, сдала 25 рублей старосте группы.

Татьяна Анатольевна настаивала обновить гардероб перед защитой диплома. Вика пообещала, что после родов обязательно обновит.

– Через две недели рожать, а я и не чувствую никакой тяжести – говорила Вика маме.

– Это хорошо, беременность проходит легко, значит, будет крепкий, здоровенький богатырь! – подытожила Татьяна Анатольевна.

И оказалась права. Виктория родила мальчика. Здоровенького, крепенького, ну настоящий богатырь!

Сына и внука назвали Максимом. В доме всё закрутилось вокруг этого маленького, солнечного нового Мира.

«Мира, мироточит икона. Мироточит – это, значит, от слова мир?!» – подумала Виктория, что это ей никогда в голову не приходило. Мир Вселенной открывает Миру Земли осознание Всевышних Божественных Сил и, проникая вглубь, одаривает Силой, Духом и Верой. Когда икона начинает плакать – мироточить, это чудо вызывает Веру в немислимое явление СВЫШЕ. Хотя в глубине Души у многих возникает вопрос: «Не может быть...»

И Виктория, глядя на свой маленький, теплый комочек, тоже думала: «Не может быть...», и счастье переполняло её.

Глава 5

Университет Виктория закончила с красным дипломом.

Высшее образование – эта красивая рамка к картине. Картина от Бога. Но любая картина в красивом обрамлении начинает играть и отражать ум и талант обладателя.

Хотя история знает такие выдающиеся личности, не имеющие высшего образования, как Эдисон, Билл Гейц, Генри Форд, Ингвар Кампрад (Икея), Рут Хэндлер (кукла Барби), а также Джон Дэвисон Рокфеллер.

И тем не менее диплом – это клише человеческого восприятия. А красный диплом – это клише прямо на лбу.

На защите диплома Виктория блистала своими знаниями, подтверждающими статус Ленинского стипендиата. Она пришла уверенной, обновлённой и сияющей.

Тучи печали и горя, нависшие над ней в её восемнадцать лет, грозовым дождем отмыли боль и страдания, смыли серо-угрюмый налёт, и проступивший свежий озоновый слой засиял чистотой и радужной палитрой.

Элла Эдуардовна гордилась своей подопечной. Она подошла к Вике и попросила её зайти к ней.

Вика с огромным букетом красивых роз вошла в кабинет ЭЭ.

– Элла Эдуардовна, спасибо Вам за ВСЁ! Вы как опытный хирург, успешно завершили операцию на сердце. Подарили мне жизнь, спасли меня и моего сына! Вселили надежду. Надежда – самое сильное лекарство, это подтвердит любой врач.

ЭЭ тронули слова, сказанные Викой, но она, взяв себя в руки и поблагодарив Викторию, перешла к основному.

– Виктория, вот тебе направление на работу в Министерство энергетики, – и подала два листа. Один с официальным текстом, а на другом контакты некоей Горбуновой Раисы Дмитриевны и телефон. – Тебя ждут. Удачи!

Виктория не смогла сдержать своего порыва, её глаза наполнились слезами благодарности:

– Элла Эдуардовна! Благодаря Вам я окрепла и вызвала всемогущую судьбу на неравный бой! Вас буду помнить всю свою жизнь. Всё, что Вы для меня сделали, обязательно к Вам вернётся. Обязательно, иначе теряется смысл жизни, теряется Вселенский смысл.

Почувствовав, что она вот-вот расплчется, Вика сдержанно покинула кабинет.

Окрылённая надеждой, она почувствовала, что задыхается от счастья. Красный диплом, направление на работу! В Москву! В Министерство! А ещё десять месяцев назад она чуть-чуть не лишила себя этого прилива необъятного, настоящего и большого. Прилива головокружения от достигнутого.

Виктория шла по коридору, излучая весь спектр своего торжества. Студенты завораживающе смотрели на неё – успех имеет свой магнетизм, он притягивает.

Спускаясь по лестнице, она увидела Виктора Каперина. Он шел с её однокурсницей, с Дусей Черновой.

Увидев Вику, он обомлел:

– Виктория?!

Облик Вики его парализовал.

– Как ты прекрасно выглядишь! Вовремя принятое правильное решение тебя просто преобразило! – восторженно сказал Виктор, подразумевая о «решении» не оставлять ребёнка.

Всё это время он даже не поинтересовался, что с Викой и как она справилась со всем тем, что навалилось на неё. Он был озабочен только собой и своими животрепещущими бутонами.

Но Дуся в одно мгновение рассеяла миф Виктора, она, подавая тетрадь Вике с её конспектами по экономике, заворковала:

– Как хорошо, что я тебя встретила, вот возьми. Спасибо. Очень помогли.

И ничего не подозревая, продолжила:

– Как твой сыночек?

Виктор оторопел:

СЫНОЧЕК?!

Он стоял с видом, будто ему ворона на голову опорожнилась, да ещё хвостом всё размала.

Вика посмотрела на Виктора и подумала: «Нет для женщины больше унижения, нежели осознание, что она отдалась человеку, не достойному её любви. Никогда она не простит себе этой вины».

Потом повернулась к Дусе и, чтобы не спугнуть своего счастья, спокойно ответила:

– Спасибо, Дуся. Всё хорошо.

Виктория уверенной поступью прошла мимо Виктора и шлейфом полного безразличия оставила на его лице отпечаток кислой сквашенности.

На этом закончился жизненный этап Виктории, где по роковой случайности она на этой же лестнице встретила Виктора первого.

На лестнице они встретились, на лестнице они и расстались.

Виктор Каперин сессию не сдал, к государственным экзаменам допущен не был. Даже папа не помог. Элла Эдуардовна не отступила от своих намерений, а преподавательский состав против декана идти не рискнул.

Глава 6

За окном стояла глубокая осень. Пасмурность занавесила окна. Виктория проснулась позднее обычного, в доме было тепло и пахло пирожками. Уютный пирожковый запах с потрескиванием дров в печи заполнили кухню и подобрались к Викиной постели и к её настроению. Наполнившись запахом маминой заботы, Вика, медленно потягиваясь, поднялась. Она сразу подошла к кроватке Максима. Сын мирно спал. Веяние детского благоухания погрузили Вику в состояние блаженства, и она не заменила, как подошла Татьяна Анатольевна.

– Он сегодня даже не просыпался, я его искупала, покормила около одиннадцати.

И он до сих пор спит. Чудо, а не ребёнок.

– Доброе утро, мамочка. Слышу по запаху, что мои формы тебя совсем не волнуют, – улыбаясь, в шутовском тоне сказала Виктория.

– Вика, отдохни, расслабься. А формы надо в голове держать. Мозг будет подавать импульс красивых форм сорок шестого размера, и формы сохранятся, – серьёзно убеждала Татьяна Анатольевна свою дочь.

– Ну да! Если этот импульс потуже на узел завязать, да ещё замок на рот одеть. Вот тогда сорок шестой размер не расплывётся и сохранит свои границы, – смеялась Вика.

– На отдых и расслабление у меня два дня, а в понедельник еду в Москву, устраиваться на работу, перешла на серьёзную тему Вика.

С рождением Максима Татьяна Анатольевна стала работать на дому. Она была опытным бухгалтером, и руководство детсада, где работала Татьяна Анатольевна, пошло навстречу.

Максим рос спокойным, и хлопоты с внуком были для неё только в удовольствие. Она чувствовала себя зрелой мамой, а не бабушкой. Ну какая она бабушка в сорок три года? Состояния спокойствия, плавно переходящее одно в другое, покинуло её. Она стала живой, активной, резвой. И её мысли, и её настроение были до краёв наполнены только внуком.

В понедельник Виктория поехала в Министерство энергетики, на улицу Щепкина, дом 42.

Связалась по телефону на проходной с Горбуновой Раисой Дмитриевной. Ну а дальше всё по накатанной: заявление, отдел кадров, ответственность, обязанности и... к барьеру. Вику приняли на должность экономиста второй категории, самой низкой.

Пройдя медкомиссию, она вышла на работу.

Бережно ступая и осторожно всматриваясь в очертания нового, Виктория вошла в трудовую жизнь.

В их отделе было четыре работника, включая её. Кабинет начальника Горбуновой Раисы Дмитриевны существовал через стенку. Раиса Дмитриевна была маленькая, белесая, очень похожая на Александру Пахмутову. Когда её Вика увидела впервые, ей сразу вспомнилась песня «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость...» Так она её про себя и окрестила Надеждой.

Приняли Вику сдержано. Да и она не выставляла свои достижения на показ. Понимала, если бы не ЭЭ, никакой бы красный диплом не помог. В отделе была самая молодая, да и, пожалуй, не только в отделе, а по всему управлению. Сразу после университета в министерство не берут. Это был настоящий выигрыш, не то что мотоцикл. От мотоцикла уже винтики да болтики остались, а экономист отдела управления Министерства энергетики плюс красный диплом университета – эта золотая визитная карточка в жизнь.

На Вику нагрузили всё то, до чего руки не доходили, всю глыбу монотонного, нудного и кропотливого. До творчества, расчётов и видения себя как специалиста было как до «китайской пасхи». Виктории давали задания ВСЕ и ВСЁ, она любое поручение выполняла с полной ответственностью и оперативно.

Начала она с документации, всё разобрала, установила нужные разделители с надписями, обновила титульные наклейки на цветные.

Папки, разобранные на цвета по-своему значению, обрели красоту, а Вика – информацию и общее ознакомление с содержимым. Отсутствие какой-либо подписи на документах восстанавливалось. Вика находила лицо, подпись которого должна лечь на страницу, и только тогда документ возвращался в папку. Даже если нужный сотрудник уже не работал в их Министерстве, она созванивалась и ехала за подписью. Документация была восстановлена и приведена в порядок. Стеллажи гордо заявляли о себе обновлёнными рядами папок – синими, зелёными, оранжевыми, оформленных надписями красивым чертёжным шрифтом. Принтеры и компьютеры тогда ещё не захватили пространство.

Лицо всего отдела переместилось на стеллажи. Подчёркивалось делопроизводство на высоком профессиональном уровне. Это заметили ВСЕ. Надежда, то бишь Раиса Дмитриевна, была довольна.

Одна из коллег, Кукушкина Рита, съязвила в адрес Вики:

– Надо экономическими вопросами заниматься, а не бумажки раскладывать.

На что Вика ответила:

– Прделанная работа снизила поиск любого документа до минимума, а всякая экономика, в конечном счёте, сводится к экономии времени, это ещё Карл Маркс сказал.

Кукушкиной сказать было нечего, но она подумала: «Не простая эта тихая мышка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.